

УДК 023.5
ББК 78.3п

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В БИБЛИОТЕЧНОМ ДЕЛЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© Л. С. Московчук, 2012

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5*

Проанализирована трансформация «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря», определены его функции и значение для формирования образа профессионала, обозначены векторы профессиональной рефлексии в библиотечном деле.

Ключевые слова: мораль, профессиональная этика, профессиональная рефлексия, профессиональный кодекс, библиотека, функции библиотеки, функции профессионального кодекса.

The transformation of «The Ethics Code of Russian Librarians» is analyzed, its functions and significance for forming the image of a professional are identified, and vectors of professional reflection in librarianship are shown.

Key words: morality, professional ethics, professional reflection, professional code, library, functions, functions of a professional code.

Если вспомнить образы библиотекарей, предлагаемые нам кинематографом, то мы заметим следующее: в зарубежной традиции библиотекарь предстает интеллектуалом, обладателем тайных знаний («Имя розы», англ. *The Name of the Rose* – художественный фильм Жан-Жака Анно 1986 г., экранизация одноименного романа Умберто Эко; «Библиотекарь: В поисках копья судьбы», англ. *Librarian: Quest for the Spear* – приключенческий фильм Питера Уинзера 2004 г. и др.). В российском кинематографе библиотекари – это скромные женщины, начитанные, образованные, но несколько отчужденные и в чем-то социально неадаптированные («Влюблен по собственному желанию» – художественный фильм Сергея Микаэляна 1983 г., «У озера» – фильм-драма Сергея Герасимова 1969 г., «Бубен, барабан» – фильм-драма Алексея Мизгирева 2009 г.).

Такой разрыв между образами демонстрирует падение социального престижа профессии, с одной стороны, и потенциал для формирования нового образа профессионала – с другой. Поэтому в современном информационном обществе с новой силой возникают споры о развитии и преобразовании российских библиотек и профессии библиотекаря.

Дискуссии вокруг «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» демонстрируют векторы развития профессионального самосознания и раскрывают ценность профессиональной

рефлексии в формировании модели профессионала.

Основание и функции профессиональной рефлексии

Рефлексия – с латинского языка переводится как отражение, обращение на самого себя и означает процесс самопознания. Термин «рефлексия» широко используется в философии, психологии, педагогике и других научных дисциплинах.

Российский психолог и философ С. Л. Рубинштейн главным вопросом в изучении личности человека считал вопрос о самосознании. Самосознание ученый понимал как личную осознанную ответственность человека за свои поступки и дела. При этом важными становятся внутренние мотивы поступков, целеполагание, через которое С. Л. Рубинштейн выходит к моральности сознания / самосознания. «Сознание человека – это вообще не только теоретическое, познавательное, но и моральное сознание. Корнями своими оно уходит в общественное бытие личности. Свое психологически реальное выражение оно получает в том, какой внутренний смысл приобретает для человека все то, что совершается вокруг него и им самим» [12, с. 640].

Профессиональная рефлексия, или профессиональное самосознание – форма переживания субъектом своего профессионального статуса.

К профессиональной рефлексии относятся вопросы, которые ставит перед собой субъект о своем месте в профессии, месте профессии в социуме, взаимоотношениях с коллегами и др. Субъектом рефлексии выступает как единичный специалист, так и сообщество профессионалов в целом. Профессиональная рефлексия может выражаться в профессиональных этосах, кодексах, правилах, системах ценностей, требованиях к личным качествам и способностям представителей профессии и др. Профессиональное самосознание формируется в процессе оформления профессионального сообщества либо индивидуального профессионального становления.

Е. А. Климов замечает, что в английском языке «есть традиция достаточно определенно различать понятия “профессия” (profession) и “занятие” (occupation)» [3, с. 89]. Можно сказать, что формирование профессиональной рефлексии свидетельствует о переходе субъекта от занятия (occupation) к профессии (profession), так как профессия тесно связана с самореализацией, а не только служит источником существования. Результат профессиональной рефлексии, закрепленный в различных кодексах оптимизирует состав профессионального сообщества, повышает социальный статус и др.

А. К. Маркова в своей работе «Психология профессионализма» [7] разрабатывает и предлагает психогаммы трудовой деятельности. Каждая психогамма представляет собой перечень психологических качеств необходимых для того, чтобы человек мог эффективно работать, профессионально расти, справляться с нестандартными ситуациями и др.

Все необходимые психологические качества автор относит к одному из двух блоков: характеристики мотивационной сферы специалиста и характеристики операциональной сферы специалиста.

Мотивационная сфера – духовное наполнение профессии: направленность профессии на благо других людей, гуманистические ориентации; установка на профессиональный рост и достижение высокого уровня профессионализма, отсутствие профессиональных деформаций, «внутренний locus профессионального контроля, то есть поиск причин успех–неуспеха в себе самом и внутри профессии» [7, с. 27] и др.

Операциональная сфера – технологическая составляющая, которая обеспечивает духовное наполнения профессии: обучаемость и открытость, саморазвитие средствами профессии, выработка недостающих качеств либо адаптация к требованиям профессии, внесение творческого вклада в профессию, обогащение и преобразование профессиональной среды, привлечение интереса общества к результатам своего труда.

Анализ перечня качеств необходимых для любой профессии дает представление об основных ценностных ориентациях, на основании которых и выстраивается профессиональный кодекс:

- «я – потребитель (клиент, пользователь и т. д.)» – гуманистическая направленность;
- «я – общество» – общественное благо, благо других людей;
- «я – коллеги» – профессиональная среда;
- «я – сам (профессионал)» – творчество и совершенствование, перспективы роста, повышение социального престижа.

А. К. Маркова обобщает образ профессионала следующим образом: «профессионал – это специалист, овладевший высокими уровнями профессиональной деятельности, сознательно изменяющий и развивающий себя в ходе осуществления труда, вносящий свой индивидуальный творческий вклад в профессию, нашедший свое индивидуальное предназначение (профессионал – это специалист на своем месте), стимулирующий в обществе интерес к результатам своей профессиональной деятельности и повышающий престиж своей профессии в обществе» [7, с. 34]. Это определение включает в себя осознание человеком норм и правил, существующих в профессии, сравнение себя с представителями своей профессии, оценку успешности собственных действий со стороны коллег и видение своей профессиональной деятельности в перспективе.

Профессиональное самосознание, или рефлексия, тем шире и тем полнее, чем больше человек осознает свое вхождение в профессиональную среду. При этом необходимым условием выступает осознание себя в контексте профессиональной деятельности. Профессиональная рефлексия отражает профессию не как сумму необходимых операций, действий, качеств, а как целостную систему. Это мы проиллюстрируем на примере профессионального кодекса библиотекаря, который в своих редакциях претерпевает серьезные изменения: переход к теоретичности, системности, глобальности.

Профессионализм связан не с одной лишь адаптацией человека к требованиям профессии, но и с качественным преобразованием профессиональной среды и повышением требований к профессиональным нормам, наращиванием объема необходимых профессиональных знаний и навыков и т. д. Профессионал не просто носитель определенных норм, но и их создатель, не только транслятор, но и новатор и т. д. Профессиональное самосознание растет от пассивного принятия существующих норм, характерного для обучения азам профессии, через адаптацию к определенным требованиям (сопровождается выработкой необходимых качеств или трансформацией уже имею-

щихся) к активному преобразованию и расширению профессионального поля.

Профессиональная рефлексия включает в себя: ценностный компонент – идеалы, ценности, нормы; коммуникативный – нормы и правила взаимодействия с коллегами и с потребителями; образовательный – формирование необходимых качеств профессионала, расширение профессиональной компетенции; мировоззренческий – видение места профессии в социуме, профессиональная гордость, осознание миссии профессии и др.

Опыт профессиональной саморефлексии библиотечного дела

С. А. Езова в своей работе «Грани библиотечного общения» [1] анализирует психологический портрет библиотекаря с позиций создателя транзакционного анализа Э. Берна. Проецируя предложенные Берном три состояния личности («Я-родитель», «Я-взрослый» и «Я-ребенок») на взаимоотношения библиотекаря и читателя, С. А. Езова приходит к выводу, что наиболее распространено общение работника библиотеки с позиции «Я-родитель», то есть библиотекарь воспитывает, наставляет, запрещает. Такая ролевая модель уходит корнями в историю, так как традиционно библиотека в русской культуре – это сокровищница знаний, храм науки, а библиотекарь брал на себя функцию просветителя. Соответствующий ролевой стереотип поведения закрепляется и правилами пользования библиотек.

Рассмотрим в качестве примера Правила пользования библиотекой им. В. В. Маяковского в Санкт-Петербурге [11], размещенные на официальном сайте учреждения. Субъектами правил выступают библиотека как организация, работники библиотеки, пользователи библиотеки.

Правила ориентированы в первую очередь на пользователей, так как именно их правам и, в большей степени, обязанностям преимущественно и посвящен документ. Пользователь библиотеки обязан «относиться бережно к книгам, другим произведениям печати и иным материалам, полученным из фондов Библиотеки» [11]. Помимо этого общего требования в правилах есть дополнительный пункт, запрещающий делать в книгах или иных материалах пометки, подчеркивания, вырывать и загибать страницы. Пользователь обязан не нарушать расстановки фонда в библиотеке, не вынимать карточек из каталогов и картотек, сдавать верхнюю одежду в гардероб и др. В терминах Э. Берна такое избыточное уточнение действительно характерно для разговора строгого родителя с ребенком, а не для беседы двух взрослых людей.

«Пользователи, нарушившие правила пользования, причинившие Библиотеке ущерб, а также

беспокойство другим пользователям, несут административную, гражданско-правовую или уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством и Правилами пользования Библиотекой» [11]. В то же время «сотрудники Библиотеки, нарушившие настоящие Правила и допустившие нарушение прав пользователей несут дисциплинарную ответственность в соответствии с действующим трудовым законодательством» [11]. Хотя и сотрудникам библиотеки вменяется обязанность «бережно относиться к фонду и другому имуществу Библиотеки» [11]. По отношению к читателю библиотекарь обязан быть вежлив и не препятствовать ему реализовывать право на получение информации.

Зафиксированные обязанности библиотеки и ее сотрудников не содержат запрещающих глаголов, в отличие от требований, предъявляемых к читателю. Такой назидательный характер отмечает и С. Г. Матлина: «отношения отечественного библиотекаря-просветителя и читателя вряд ли можно было во всех случаях назвать диалогом, предполагающим равноправное общение свободного типа» [8, с. 313]. Автор указывает на то, что долгое время библиотека была социальным институтом, в обязанности которого входило прививание этикетных норм, и это достигалось, в том числе, и профессиональной лексикой, так называемым лексическим насилием. Уместно вспомнить такие императивы, как «в верхней одежде не входить», «не шуметь» и др.

Для сравнения – вот как выглядят правила пользования библиотекой города Безансона (Франция): «Библиотека вам рекомендует <...> Из уважения к другим посетителям желательно: соблюдать сроки возврата; ухаживать за изданиями; уважать тишину в библиотеке; запрещено пить, есть, курить, громкие звонки мобильных телефонов» [17]. Запрещающая форма встречается только один раз, все остальные нормы выражены в рекомендательном ключе.

С. Г. Тер-Минасова в работе «Язык и межкультурная коммуникация» [13] указывает, что в русском языке советского периода правила общественного поведения, или информационно-регуляторская лексика, задавались в категоричной форме повелительного наклонения – инфинитиве глагола, напоминая приказы солдатам в армии и команды собакам. В то время как англоязычной традиции более свойственны уважительные и положительные формы императивов-просьб, а не приказов.

В статье «Этические аспекты профессионального библиотечного сознания» С. Г. Матлина рассматривает в качестве примера Ивановскую область, где районные детские библиотеки заменили «Правила» на «Декларации прав читателей» [9, с. 328]. Но детские библиотеки (избыточно)

обладают собственной спецификой. Этому, в частности, посвящена работа О. Л. Кабачек «Изучение профессионального сознания детских библиотекарей» [2]. Так, если для библиотекарей, обслуживающих взрослое население, основной ценностью является книга (ее сохранность, продвижение), то для работников детских библиотек на первый план выходит уважение к индивидуальности читателя.

Согласно исследованию, проведенному Т. С. Пироговой [10], 56% респондентов работают в библиотеке потому, что испытывают любовь к книжной культуре, библиотеке, нуждаются в интеллектуальном общении, 37% – ощущают свое призвание и считают работу в библиотеке интересной; столько же (37%) привлекает хороший коллектив и прекрасные взаимоотношения с сотрудниками. Основными ценностями для работников библиотек, ориентированных на взрослых читателей, как правило выступают книги, общение, а не межличностное общения с читателями.

Сравним два варианта «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря»: первый был принят 22 апреля 1999 г. на IV ежегодной сессии Конференции Российской библиотечной ассоциации [4], второй – 26 мая 2011 г. на XVI ежегодной сессии Конференции Российской библиотечной ассоциации [5]. За 12 лет в кодексе произошли существенные изменения, которые демонстрируют развитие профессионального самосознания и создание системы профессиональных ценностей.

Кодекс от 1999 г. состоит из 11 пунктов, кодекс 2011 г. – из 32 пунктов и имеет внутреннюю рубрикацию, отражающую смысловую структуру документа: общую миссию, взаимоотношения с обществом, пользователями, коллегами, отношение к собственной профессии и ответственность за несоблюдение кодекса.

Основной ценностью при взаимоотношениях библиотекаря с обществом, согласно кодексу 1999 г. выступает принцип доступности информации: кодекс противостоит ограничению доступа к материалам, признает авторские права, «рассматривает свободный доступ к информации как неотъемлемое право личности» [4, с. 160]. По замечанию И. А. Трушиной, «информоцентричность» не просто доминанта, а единственное направление деятельности библиотек, и в кодексе не отображена просветительская традиция деятельности Российских библиотек [15, с. 90].

В редакции кодекса 2011 г. появляется понятие профессионального долга, которым должен руководствоваться сотрудник библиотеки в противовес личным взглядам, а также интересам сторонних религиозных или общественных организаций. Библиотекарь противостоит цензуре, но при этом «соблюдает установленные законом меры по предотвращению использования информации в целях

насилия, распространения расовой и религиозной ненависти, национальной, политической и другой дискриминации» [5], а также «стремится к развитию партнерских отношений с органами власти, общественными организациями и различными учреждениями в целях содействия развитию библиотек и повышения их социальной значимости» [5].

На наш взгляд, эти нормы закрепляют этические антиномии информационного общества, сформулированные И. А. Трушиной в работе «Этика библиотекаря: моральный закон внутри нас»: «информационное общество создает условия для распространения высоких идеалов нравственности» и «информационное общество способствует распространению идей расовой ненависти, порнографии, насилия и т. д.» [15, с. 147], «информационное общество создает беспрецедентные возможности для отбора информации» и «информационное общество характеризуется беспрецедентным информационным загрязнением» [15, с. 151]. С одной стороны, библиотекарь должен противостоять цензуре, но с другой – не должен способствовать распространению социально-опасной информации. Провозглашается независимость сотрудника библиотеки от давления общественных, религиозных, политических и прочих организаций, но в то же время говорится о необходимости сотрудничества (с органами власти и др.) в интересах развития библиотеки.

Таким образом, первый вариант кодекса от 1999 г. критиковали за излишнюю расплывчатость и декларативность. В частности, указывалось на невозможность соблюдения принципа противостояния цензуре на практике из-за отсутствия необходимых материальных средств и неэтичности принципа абсолютного, а не ситуативного решения вопроса доступности информации [14]. В редакции кодекса 2011 г. сделана попытка предложить реальные ориентиры для решения профессиональных задач, но при этом еще более обозначились проблемность и антиномичность профессиональных обязанностей.

Так же, по сравнению с кодексом 1999 г., в редакции 2011 г. появляется просветительская функция библиотеки: библиотекарь выступает в роли межкультурного коммуниканта, который должен способствовать позитивному межкультурному диалогу этнических, языковых и культурных групп в обществе. В качестве доминанты выступает не просто информация, но вводится понятие качества информации.

Сильные изменения также претерпели отношения с пользователем, в целом они расширились.

Без изменений остались принципы уважения к читателю и соблюдение конфиденциальности. Появилась норма, согласно которой библиотекарь должен обеспечивать равные права на библио-

техническое обслуживание всех категорий населения, а также предоставлять доступ не только к информации, но и к «культурным ценностям». Таким образом, библиотекарь не просто оказывает информационные услуги, но участвует в культуросоздающем процессе:

- «инициирует участие пользователя в культурной жизни общества»,
- «способствует социализации личности, формированию гражданского сознания»,
- «содействует развитию информационной культуры личности»,
- «пропагандирует книгу и чтение как источник интеллектуального и духовного развития личности, способствует формированию и развитию культуры чтения» и др.

Таким образом, кодекс 2011 г. закрепляет образовательную функцию библиотеки.

Принцип социальной и культурной ответственности приходит на смену норме кодекса профессиональной этики российского библиотекаря 1999 г., согласно которой библиотекарь «не несет ответственности за последствия использования информации или документа, полученного в библиотеке» [4]. Такой подход подвергся особенной критике со стороны профессионального сообщества и социума. Принцип морального нейтралитета вписывается в рамки концепции библиотеки как коммерческой структуры, но противоречит пониманию библиотеки как социально значимого института. Можно сказать, что за 12 лет, которые разделяют два варианта кодекса, повысился социальный статус библиотеки в глазах профессионального сообщества, а соответственно, и возросли требования к профессиональной деятельности.

Новые нормы, нацеленные на просветительскую деятельность, полностью соответствуют «Манифесту о публичной библиотеке ИФЛА / ЮНЕСКО», принятому в 1994 г. и размещенному на официальном веб-сайте Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений [6]. В частности, в манифесте говорится, что деятельность библиотек должна способствовать созданию условий для творческого развития личности, стимулировать интерес к культурному наследию, развивать межкультурный диалог, поощрять культурное многообразие и др.

Оба варианта «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» содержат так же нормы взаимоотношений с коллегами. Согласно версии 1999 г., библиотекарь должен относиться к коллегам уважительно и с позиции сотрудничества, передавая им свои знания и перенимая чужой опыт. Если поступок коллеги противоречит этическим нормам или наносит урон авторитету профессии, то такой представитель профессии лишается «цеховой» защиты.

В кодексе 2011 г. так же говорится о принципах уважения и сотрудничества по отношению к коллегам, вводится понятие корпоративной культуры коллектива, оговаривается недопустимость использования нечестных приемов соперничества. Отдельно сказано о запрете плагиата. Необходимые качества – доброжелательность, уважение, честность, ориентация на сотрудничество, взаимопомощь. Все это направлено на становление эффективной корпоративной культуры библиотеки, зачатки которой были в первом варианте кодекса.

Отношению к собственной профессии в кодексе 1999 г. был посвящен всего один пункт: библиотекарь «стремится к профессиональному совершенствованию, повышению уровня профессионального образования и компетентности» [4]. В кодексе 2011 г. мы находим уже развернутый ряд требований профессионала к самому себе. Самообразование и профессиональное совершенствование остаются необходимым условием выполнения «социальной и профессиональной миссии» [5]. Библиотекарь не просто поддерживает положительный имидж профессии, но активно участвует в повышении социального престижа своей профессии, а так же способствует признанию ее перспективности в информационном обществе.

Стоит заметить, что проблема актуальности профессии библиотекаря достаточно острая в современной культуре. Например, на франкоязычном электронном ресурсе, посвященном библиотечной этике, под названием *bibliothèque* размещена статья Франсуа Ренавийя «Библиотекарь воинствующий, библиотекарь торжествующий» [18]. Автор освещает доклад R. David Lankes на конференции «A Library Futures Symposium», прошедшей в Канаде в октябре 2010 г. (Сам доклад можно прослушать на странице R. David Lankes: <http://quartz.syr.edu/rdlankes/blog/?p=1050>. Мы цитируем доклад по статье Ф. Ренавийя.)

В докладе R. David Lankes речь идет о том, что развитие электронных библиотек, Google – все это воспринимается представителями библиотечного дела как угроза их профессиональному бытию, но основная проблема заключается в самих же представителях профессии. Вот какие угрозы названы в работе R. David Lankes: консерватизм, отсутствие воображения, непринятие инноваций, поверхностное их понимание, взгляд на пользователя, читателя как на врага, а не как на причину существования библиотеки. Библиотечному сообществу необходимо переосмыслить свою роль в современной культуре и найти внутренние силы и возможности для творческого преобразования.

Поиски новых форм существования библиотеки в современном информационном обществе являются важной темой и в отечественной литературе.

В частности этому посвящены работы С. Г. Матлиной, проблема новаций неоднократно становилась темой номеров журнала «Библиотечное дело» и др. Признание перспективной роли профессии библиотекаря в информационном обществе – профессиональный долг.

В кодексе 2011 г. отдельно подчеркивается недопустимость получения материальной выгоды за счет пользователей, коллег и других, то есть провозглашается принцип материальной незаинтересованности библиотекаря.

Итак, нормы профессиональной самоидентификации направлены на формирование и поддержание высокого социального статуса и престижа профессии, создают образ активного деятельного субъекта, сохраняющего и преумножающего культуру.

За 12 лет, разделяющих два варианта редакции документа, происходит концептуализация кодекса профессиональной этики российского библиотекаря, что отражается не только на его четкой логической структуре с делением на смысловые блоки, но и в появлении преамбулы, или общей миссии, которая не была артикулирована в редакции кодекса 1999 г.

Преамбула освещает роль и место библиотеки как социального института. Гуманизм, социальная ответственность, преемственность – принципы, на которых выстраивается профессиональная идентичность. Помимо информационной составляющей, в библиотеке особо подчеркивается культурообразующая и культуроохраняющая функции, без которых невозможно развитие современной России. С одной стороны, происходит генерализация принципов и правил, и кодекс поднимается на более высокий уровень императивов, с другой – сохраняется профессиональная ориентированность документа, с выделением особо значимых узловых проблем библиотечного дела.

Сложной остается проблема свободы информации и просветительская ориентация деятельности библиотеки, что отражено в противоречивости норм взаимоотношения библиотекаря с обществом. Эта дилемма разрешается введением двух регуляторов: внутренней порядочности и материальной незаинтересованности библиотекаря, ценности культуры и знания. Исходя из этих ориентиров библиотекарь и должен осуществлять свой профессиональный путь. С другой стороны, в истории немало примеров того, как человек, искренне заблуждаясь и руководствуясь высокими идеалами, совершал ошибки.

Ю. А. Шрейдер полагал, что «нормативность морального закона всегда обращена к разуму, выполняющему функцию внутреннего морального компаса» [16, с. 111]. Таким образом, общие указания, выраженные в «Кодексе профессиональной

этики российского библиотекаря», будут преобразовываться в конкретное нравственное сознательное действие или решение на основании вовлеченности в него субъекта. Активное обсуждение, редактирование кодекса свидетельствуют о внутренней заинтересованности представителей профессии в поиске этических ориентиров и ценностей, которыми они могли бы руководствоваться в повседневной жизни. Выработкой этических норм профессиональная рефлексия стремится определить свое место в современном мире.

Литература

1. Езова С. А. Грани библиотечного общения. – М. : Профиздат, 2003. – 160 с.
2. Кабачек О. Л. Изучение профессионального сознания детских библиотекарей // Библиотековедение. – 1994. – № 2. – С. 73–86.
3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – М. : Академия, 2004. – 304 с.
4. Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря // Этика библиотекаря: моральный закон внутри нас. Опыт разных стран / И. А. Трушина. – М. : ФАИР, 2008. – С. 160.
5. Кодекс этики российского библиотекаря : принят Конф. Рос. библ. ассоц., XVI Ежегод. сес., 26 мая 2011 г., г. Тюмень. – URL: <http://www.rba.ru/or/od/cod.html> (дата обращения: 23.12.2011)
6. Манифест о публичной библиотеке ИФЛА / ЮНЕСКО. – URL: <http://archive.ifla.org/VII/s8/unesco/russ.pdf> (дата обращения: 23.12.2011)
7. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М. : Знание, 1996. – 308 с.
8. Матлина С. Г. Библиотечная этика в контексте национальных просветительских традиций (постановка вопроса) // Публичная библиотека: пути инновационного развития: избр. / С. Г. Матлина. – СПб., 2009. – С. 310–321.
9. Матлина С. Г. Этические аспекты профессионального библиотечного сознания // Публичная библиотека: пути инновационного развития: избр. / С. Г. Матлина. – СПб., 2009. – С. 324–330.
10. Пирогова Т. С. Университетский библиотекарь: особенности профессии // Библ. дело. – 2009. – № 22. – С. 3–5.
11. Правила пользования центральной городской публичной библиотекой им. В. В. Маяковского (г. Санкт-Петербург). – URL: <http://www.pl.spb.ru/about/rules/> (дата обращения: 23.12.2011)
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2006. – 713 с.
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
14. Трушина И. А. Зачем нам нужен кодекс этики? // Библ. дело. – 2009. – № 22. – С. 28–32.
15. Трушина И. А. Этика библиотекаря: моральный закон внутри нас. Опыт разных стран. – М. : ФАИР, 2008. – 272 с.
16. Шрейдер Ю. А. Лекции по этике. – М. : МИРОС, 1994. – 136 с.

-
17. Les bibliothèques municipales de Besançon, mode d'emploi. – URL: <http://www.bm-besancon.fr/index.php?p=245> (дата обращения: 23.12.2011) 20/bibliothecaire-militant-bibliothecaire-triomphant/ (дата обращения: 23.12.2011).
18. Renaville F. Bibliothécaire militant, bibliothécaire triomphant. – URL: <http://bibliothethique.net/2010/12/> Материал поступил в редакцию 23.12.2011 г.

Сведения об авторе: *Московчук Любовь Сергеевна – кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
тел.: (812) 346-47-83, e-mail: moskov4uk@yandex.ru*